

ИСТОРИЯ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).084

DOI 10.22162/2500-1523-2018-15-4-35

Социальные рефлексии крестьянства национальных автономий на Юге России (1920–1930-е гг.)*

National Autonomies of Southern Russia: Social Reflections of Peasant Population (1920–1930s)

Е. Н. Бадмаева (E. Badmaeva)¹

¹ доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии, Калмыцкий научный центр РАН (358000, г. Элиста, Российская Федерация, ул. им. И. К. Илишкина, 8). E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

Ph.D. in History (Doct. of Historical Sc), Associate Professor, Leading Research Associate, Department of History, Ethnology and Archaeology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., Elista, 358000, Russian Federation). E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

Аннотация. История повседневности в современной отечественной историографии, в особенности повседневности крестьянства, занимает особое место. В течение длительного времени крестьянство составляло большинство населения страны, в том числе на Юге России. В настоящей статье ставится задача исследовать социальный протест крестьян национальных автономий Юга России в 1920–1930-е гг.

Ключевые слова: повседневность, национальные автономии, Юг России, крестьянство, социальный протест

Abstract. Modern domestic historiography pays special attention to the history of everyday life, and especially that of peasantry. Peasants constituted the bulk of the

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Общественно-политическое развитие народов Юга России в XVIII–XX вв.» (№ госрегистрации: АААА-А17-117030910096-7).

country's population, including in Southern Russia, for quite a long time. The article aims to investigate social contexts of peasants in national autonomies of Southern Russia in 1920–1930s.

Keywords: everyday life, national autonomies, Southern Russia, peasantry, social protest

Тема социального протеста российского крестьянства в 1920–1930-е гг. представляет большой научный интерес. Данная проблематика рассматривалась на российском материале в исследованиях российских и зарубежных ученых [Казиев, Карпиев 2003; Кринко, Тажидинова, Хлынина 2011; Бадмаева 2012; Мартин 2011; Грациози 2001; Холмс 1993; Уиткрофт 1991].

Менее всего изучена социальная рефлексия южнороссийского крестьянства на общественно-политические и социально-экономические мероприятия советской власти. Между тем, на Юге России, в частности в национальных автономиях региона, в указанные нами десятилетия наблюдается череда протестных социальных выступлений крестьян, обозначенных в советской историографии как контрреволюционные, кулацкие или «кулацко-мульские» (на Северном Кавказе) выступления [Разгон 1941; Овчинникова 1972; Козлов 1977].

С 2000-х гг. отечественная историография стала трактовать крестьянские волнения как следствие недовольства сельскими жителями форсированными социалистическими преобразованиями: ускоренной коллективизацией, жесткой хлебозаготовкой и, соответственно, репрессивными мерами против крестьянства [Айшаев 2011; Жупикова 2008; Марченко 2003; Эльбуздукаева 2015; Бадмаева 2003].

В данной статье нами предпринята попытка дать объективную оценку протестным выступлениям крестьян автономных образований Юга России, которая, как нам представляется, дополнит общую картину непростых взаимоотношений советской власти и крестьянства.

В первые послеоктябрьские десятилетия Юг России являл собой, как и сегодня, наиболее многосложный в этническом, языковом и религиозном отношениях макрорегион. Этносы, прожи-

вавшие в южнороссийском регионе, объединяла определенная общность социально-экономических, политических и исторических условий, в то же время они отличались своеобразием и различиями в культуре и социальной психологии, обусловленными их историческим развитием.

Менталитет и образ жизни крестьян, их политическое настроение в послереволюционные годы, восприятие и отношение к происходящим событиям и мероприятиям советской власти во многом определялись религиозным сознанием. В 1920–1930-е гг. воздействие ислама и религиозных деятелей на жизнедеятельность и морально-нравственную атмосферу в северокавказских национальных автономиях оставалось определяющим. Неслучайно повстанческое движение и протестные выступления крестьян на Северном Кавказе отмечены активным участием в них религиозных деятелей, которые считали необходимым защищать исламские ценности.

Религиозность крестьян в Калмыкии в 1920-е гг. являлась мощной духовной скрепой для населения. Религиозные верования калмыков, по словам Т. Е. Тюмидовой, «сформировали его ментальность, уникальную систему особого этнософского мировоззрения» [Тюмидова 2013: 155]. Действительно, исторически буддизм повлиял на формирование менталитета калмыков, в котором сочетались суровость, воинственность (объективно обусловленные жестким кочевым образом жизни, непрерывным участием в конфликтах и войнах, связанных с борьбой за территорию, и т. д.) и терпимость, миролюбие, доброжелательность, созерцательное (философское) отношение к жизни.

Крестьянство Юга России, большей частью консервативное, всегда болезненно и настороженно воспринимало трансформационные изменения издавна сформировавшихся социальных отношений и с трудом поддавалось внешним воздействиям со стороны властей. Этим отчасти можно объяснить отрицательную реакцию крестьян на аграрные преобразования в царской России. Но большевикам удалось обмануть крестьянство, которому импортировали лозунги большевиков о раздаче земли крестьянам, социальном равенстве, счастливой жизни без эксплуататоров. Все это на самом деле оказалось иллюзией.

На Северном Кавказе неразрешенность земельного вопроса приводила к обострению ситуации в регионе и межнациональным конфликтам. Конфискационные и репрессивные мероприятия власти в процессе насильственной реквизиции у сельского населения продовольствия вызвали первый подъем антибольшевистского крестьянского движения в регионе. Крестьяне были недовольны непрерывными продразверстками, решительным запрещением торговли, всеобщей трудовой повинностью и пр. Неправомерные действия со стороны отдельных местных руководителей и чрезвычайных органов приводили к накоплению раздражения и озлобленности у населения, породили у крестьян Северного Кавказа социальную агрессию и гражданское неповиновение.

Агрессивное изъятие продовольствия, начатое советским государством в конце мая – начале июня 1918 г., привело к разжиганию гражданской войны в северокавказской деревне, вызвало мощное повстанческое движение против советской власти, в особенности после очищения территории региона от армии А. Деникина. Поначалу повстанческое движение Кабарды, Балкарии, Чечни и Ингушетии носило ярко выраженный освободительный и националистический характер [Туаева, Хубулова 2007: 69].

Лидеры оппозиционных группировок призывали население к борьбе за восстановление «исторической справедливости» «порабощенных» народов Северного Кавказа. Повстанческие отряды возглавлялись в основном представителями духовенства. Летом 1919 г. в Чечне и Дагестане возникает Северо-Кавказский эмират (монархия) со столицей Ведено под руководством известного и влиятельного лидера мусульманского духовенства Узун-Хаджи Салтинского, объявившего себя ярым противником А. И. Деникина. У-Х. Салтинский, являясь ярим религиозным фанатиком и не имея светского образования, обладал природным умом, был прекрасным оратором, отлично разбирался в вопросах теологии, «много говорил и спорил по вопросам ислама и хотел всегда выглядеть сильным в этих вопросах. По своему образу жизни и нравам по сравнению с Нажмутдином Гоцинским был настоящий горец, близкий душе темных горских бедняцких масс» [Узун-Хаджи ... 2017: 52]. Он искренне считал, что объединит под сво-

им флагом все мусульманское население Юга России. Большевики, учитывая мощный авторитет Узун-Хаджи среди местного населения, стали активно сотрудничать с ним, некоторые члены партии даже входили в состав правительства Эмирата и занимали ответственные посты. Большевикам на тот момент был выгоден союз с популярным и влиятельным религиозным деятелем. Кавказский краевой комитет большевистской партии, характеризуя Узун-Хаджи Салтинского, в сентябре 1919 г. сообщает в центр: «В Чечне Узун-Хаджи, упорно сражавшийся с Советской властью в 1918 г., ныне, начиная с июня 1919 года, также упорно сражается с добровольцами» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 588. Л. 33]. Его отряды боролись не только с деникинцами, с большевиками, но и с теми аулами, которые признавали новую власть. В марте 1920 г. после кончины Узун-Хаджи созданный им Эмират прекратил свое существование, тем не менее мусульманское духовенство по-прежнему продолжало активно влиять на общественно-политическую обстановку на Северном Кавказе и, как покажут дальнейшие события, было способно продолжить и возглавить протестное движение в своих регионах. О силе влияния и роли духовенства в северокавказском обществе свидетельствует существование в это время «народно-шариатских» судов одновременно и наряду с революционными трибуналами и ВЧК по борьбе с контрреволюцией и саботажем. В тот период позиции советской власти на территории были еще достаточно слабы и зачастую носили чисто формальный характер. Советская власть не пользовалась достаточным авторитетом у населения национальных автономий Северного Кавказа.

Слабость советской власти, нестабильной обстановкой в регионе, недовольством крестьян своей трудной повседневной жизнью умело пользовались националистические силы и влиятельные деятели мусульманского духовенства, являвшиеся организаторами повстанческих выступлений, число которых в разные годы то увеличивалось, то уменьшалось.

Наивысшего подъема повстанческое движение на Северном Кавказе достигло в июле–октябре 1920 г., когда в нем приняло участие около 40 тыс. чел. Одним из крупномасштабных анти-

советских выступлений «с ярко выраженной политическо-авантюристической окраской» стало организованное внуком имама Шамиля Саид-Беем Нажмутдином Гоцинским (Гацинским) восстание, вспыхнувшее в Дагестане и нагорной части Чечни в сентябре 1920 г. В числе основных требований выдвигались лозунги: «ликвидация Советской власти и предоставление автономного управления на принципах шариата». Повстанцам удалось полностью уничтожить советско-партийное руководство в Веденском, Ножай-Юртовском и Саяновском районах Чечни. Активные и эффективные действия бандформирований способствовали притоку в отряд протестующих крестьян, и уже к весне 1921 г. боевое формирование Гоцинского насчитывало более 10 тыс. чел. Для подавления столь масштабного мятежа специально была создана Терско-Дагестанская армия. Части 14, 32, 33-й стрелковых дивизий, 18-й кавалерийской дивизии, отдельной московской бригады курсантов, два бронеотряда и разведывательный авиаотряд участвовали в уничтожении бандформирований, в общей сложности использовалось около 20 тыс. пехоты, 3 400 кавалерии, 67 орудий, 8 бронеавтомобилей и 6 самолетов [Эльбиздукаева 2015: 17].

В этот период в Кабардино-Балкарии также наблюдается приток сельских жителей в повстанческие отряды. Данная тенденция вызывала особую тревогу у местных органов власти. В одном из донесений того времени сообщалось: «Нет уверенности, что мы навсегда и бесповоротно утвердились здесь <...> Станицы и аулы после реквизиции вооружаются и уходят в горы» [Хубулова 2001: 457].

О повстанческих настроениях крестьян член Нальчикского окружного исполкома, заведующий земельным отделом З. Мидов в своей докладной записке писал, что в селах, «бывших имениях Хомкова, Сармаково, Ашабово, Куба, Каменноосткое замечается полное отсутствие советской власти, не проводятся в жизнь декреты советской власти, грабежи и разбои среди белого дня стали обычным явлением. Бандитизм в этих селах дошел до небывалых размеров <...> стремительный рост антибольшевистских сил <...> за последние две недели более 150 человек ушло в повстанческие отряды» [За власть Советов 1957: 266].

Власть не нашла иного выхода, как усилить репрессии против сельских жителей, проводить аресты крестьян с обвинением в антисоветской деятельности. О росте числа арестантов свидетельствует приказ Терского облисполкома от 30 октября 1920 г. о создании в округах специальных комиссий для разгрузки мест заключения. В начале ноября такая комиссия в составе из 5 человек была создана в Нальчикском округе. Членам комиссии предлагалось «немедленно приступить к работам и завершить их не позже недельного срока» [За власть Советов 1957: 267].

Число антиправительственных выступлений на Северном Кавказе возросло в связи с активизацией сбора продразверстки. СНК Горской АССР в 1921 г. информировал федеральный центр о настроении сельского населения в отношении сбора налогов: «Настроение крестьян колеблется от выжидательного до крайне обостренного <...> на Северном Кавказе проводят разверстку воинские части и Комиссариат продовольствия» [Власть и крестьянство 2005: 91].

Осуществление местными властями хлебозаготовок с привлечением воинских подразделений вызвало агрессию со стороны крестьян Шатоевского района Чечни и усугубило нестабильную обстановку в чеченских аулах. Из сводки Веденской окружной ГПУ от 1 февраля 1921 г. под грифом «секретно» стало известно, что «в чеченских селениях местными контрреволюционерами производится мобилизация населения <...> во главе стоит Магомет-Хаджи, житель сел. Хилой, старик преклонных лет <...> Лозунг контрреволюционеров: „Мы должны выгнать из Чечни и Тавун всех солдат“. Во главе дагестанских повстанцев стоит Саид-Бек, к которому отправились с докладом представители Чечни из сел. Чапрай, хотят получить приказ, после чего один из них должен вернуться для организации отряда в селениях Дышин, Веден, а оттуда объехать все пограничные аулы — четыре участка Шатоевского района <...> В Хилое и Ракодое усиливается контрреволюционное брожение населения <...> Повстанцы предлагают сделать одновременное наступление на Нешато и Ведено. Беднейшее население Чечни в пограничной полосе продает оружие тавлинам (народность Дагестана) или обменивает на товары» [РГАСПИ. Ф.64. Оп. 1. Д. 117. Л. 86].

Социальное противостояние крестьянства и власти набирало силу, и ситуация в Чечне накалялась и становилась критической. Тем не менее власти требовали принудительного взыскания единого сельскохозяйственного налога с крестьянства: «Если в установленный срок налог не уплачен, то на недополученную часть исчисляется пеня в размере 0,2 % за каждый день просрочки, и помимо того к неплательщикам применяются установленные меры принудительного взыскания» [Власть и крестьянство 2005: 23]. В случае, если власть считала, что крестьянин умышленно уклоняется от хлебазаготовок и скрывает хлеб, то по отношению к виновному предлагалось применять статью 107 УК РСФСР, предусматривавшую лишение свободы с полной конфискацией имущества.

В отличие от регионов Северного Кавказа, где борьба против советской власти началась практически со дня её установления, так называемый политический бандитизм в Калмыцкой автономной области (далее — КАО) возник в 1921 г. В степном регионе его представляли малочисленные и разрозненные группировки антибольшевистских сил, оставшиеся на территории после Гражданской войны. Их «движущей силой была ненависть к советской власти, а основной задачей — дестабилизация общества. Бандитские формирования, возглавляемые ярыми врагами» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10с. Д. 5. Л. 58] новой власти, бывшими зайсангами (князьями) и бывшими кадетами, атаманами, хорунжими: О. Босхомджиевым, бывшим кадетом, окружным атаманом Малодербетовского улуса; Корниловым, племянником генерала Л. Корнилова; О. Шануновым, бывшим хорунжим, выходцем из зайсангов, выступали под лозунгом «За свободные Советы!», «За победу настоящей революции!» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10с. Д. 2. Л. 220; Д. 5. Л. 58–59; Д. 8. Л. 89].

Если в автономиях Северного Кавказа руководителями и вдохновителями крестьянских восстаний были преимущественно религиозные деятели, то в Калмыкии духовенство занимало в целом выжидательную позицию и не участвовало в повстанческом движении. По своему социальному составу повстанческие отряды состояли в основном из бывших офицеров и помещиков, но находи-

ли там свое убежище и обиженные советской властью зажиточные крестьяне и даже бедняки.

Основными причинами участия представителей беднейшего и среднего крестьянства в незаконных бандитских формированиях стали совершенное разорение крестьянских хозяйств, полнейшая безысходность и пр. По мере укрепления советской власти политические бандформирования на территории калмыцкой степи постепенно утрачивали свое, условно скажем, политическое назначение и превращались в чисто разбойничью группу бандитов.

Дискредитировали советскую власть неправовые действия бойцов Красной армии, направленных Астраханским губисполкомом в улусы и хотоны Калмыкии для подавления крестьянских волнений, поимки дезертиров и повстанцев из числа крестьян. Так, карательные отряды под руководством Самсонова, Горностаева, Черкасова, Матвеева «попутно» изымали у населения продукты питания, скот, теплые вещи, серебряные пояса, серьги и другие ценности. Нередки были случаи, когда советские войсковые части реквизируют у крестьян последний семенной хлеб. Так, в голодном 1921 г. в Элисте было реквизировано 57 пудов зерна, в Ремонтном — 30 пудов зерна и 1 500 пудов сена [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10с. Д. 8. Л. 8].

Политический и уголовный бандитизм серьёзно осложнял общественно-политическую ситуацию в первые послеоктябрьские годы в Чечне, Ингушетии, Кабарде и Балкарии и представлял большую угрозу новому строю. Советское государство пыталось ослабить повстанческое движение в регионе и в декабре 1922 г. приняло специальное решение экономического характера по Чечне: «Производить отчисления нефтью исключительно в пользу автономной Чеченской области — как специальный фонд для ликвидации бандитизма. Определить отчисление в размере 150 тыс. пудов нефти ежемесячно» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 538. Л. 56].

В северокавказских автономиях властям приходилось быть более корректными во взаимоотношениях с крестьянством и осторожными в принятии своих решений. Проведение любых общественно-политических и социально-экономических акций в силу

особого горского менталитета могло привести к взрывоопасной ситуации: «Настроение крестьян, особенно округов, в связи с начавшейся продкампанией и с проведением трудгужналога неудовлетворительное. Наблюдались случаи убийства продинспекторов в Назранском округе» [Хубулова 2001: 263].

Среди повстанческих отрядов, действовавших на Северном Кавказе, самыми многочисленными и боеспособными были бандформирования, укрывавшиеся в горных районах. Там, вдали от равнинных мест, где установилась советская власть, при большом скоплении местных жителей, проводились оппозиционные сходки, проходили агитационные мероприятия по пополнению боевых отрядов: «В первых числах июня (1923 г. — *Е. Б.*) в Шатоевской крепости на одной из вершин хребта собралось 12 тыс. чел. обоого пола, справляющих поминки по умершей в Турции дочери одного из самых влиятельных чеченских шейхов. Такие сборища служат прекрасной почвой для распространения по Чечне слухов и собирания антисоветских элементов» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 538. Л. 10].

В активизации действий повстанческих отрядов наблюдалась определенная сезонная закономерность. Например, в зимний период количество бандитских формирований на Северном Кавказе уменьшалось, не превышая 20 единиц, в калмыцких степях наблюдалась такая же тенденция. С наступлением весны обычно происходило оживление выступлений бандформирований. Как об устоявшейся закономерности, обусловленной природными условиями, сообщалось в одном из донесений властей Терской области: «Бандитские шайки с началом теплых весенних дней снова сгруппируются и начнут свою разрушительную работу» [Органы ... 2007: 116]. В связи с предстоявшей активизацией повстанческого движения власти принимали «самые решительные и беспощадные меры» против вооружённых отрядов. Среди таких мер можно назвать объявление военного положения на всей территории Кабарды в составе 4-х округов для борьбы с бандитизмом [Органы ... 2007: 128].

На расширении повстанческого движения, безусловно, сказались последствия голода в южнороссийском регионе в 1921–

1922 гг., вызвавшие приток новых сил в антисоветские бандитские формирования. Руководители КАО видели первопричину выступлений калмыцкого крестьянства в небывалой послевоенной разрухе и голодном бедствии и считали главным рычагом решения проблемы экономическое возрождение области. Так, член ЦИКа А. Амур-Санан за три недели до перехода к нэпу на I учредительной Калмыцкой областной партийной конференции в феврале 1921 г. говорил об этом совершенно определенно, в чем-то предвосхищая доклад В. И. Ленина о переходе к нэпу [Бадмаева 2003: 157].

В Калмыцкой автономной области с практическим введением нэпа в 1923 г. и признанием права собственности крестьянина на производимый продукт, крестьянские волнения постепенно пошли на убыль. На Северном Кавказе местным населением проведение нэпа было воспринято неоднозначно, особенно сложные отношения между властью и крестьянами возникли в период позднего формирования «нэповских отношений», когда продразверстки сохранялись наряду со сбором продналога.

Как свидетельствуют архивные источники, «в Шатоевском и Веденском районах население сдает налог только благодаря применению репрессий <...> по сведениям среди чеченцев Шатоевского и Веденского районов подготавливается восстание <...> „Что это за государство, берет такой большой налог, на что нам нужно такое государство, ни черта мы не дадим налога“ <...> голодающих насчитывается 78 тыс. чел. Голодная смертность увеличилась до 66 %. Отмечены холерные заболевания» [Советская деревня 1998: 556]. На сходках крестьяне даже в присутствии представителей власти открыто возмущались политикой советской власти, что приводило к росту антигосударственных, антисоветских и антибольшевистских выступлений, восстаний и мятежей.

Для решения главной задачи — экспроприации хлеба — государство стало еще больше применять силовые методы воздействия, возродив для этих целей институты революционных комитетов и наделив их чрезвычайными полномочиями. Использование военной силы, чрезвычайных мер при сборе продналога вызвало социальный протест крестьянства на Северном Кавказе. Все чаще

крестьяне стали примыкать к бандформированиям, численность которых постоянно увеличивалась. Властями были официально зафиксированы банды из числа крестьян, орудовавших на территории различных уездов: «В Моздокском уезде действует банда Овчинникова в 300 сабель. В Кизлярском уезде оперирует банда Коняра в 600 сабель. Во Владикавказском районе оперируют банды общей численностью в 300 сабель, занимающиеся грабежами» [Советская деревня 1998: 533].

В Калмыкии в этот период также отмечено появление уголовных шашек. Голод толкал крестьян на угон, кражу продовольствия и скота (в особенности лошадей). Члены бандгруппы, скрываясь в безлюдной степи или уходя от преследования в соседние губернии, пускали ворованный скот на пропитание, пополнение своего хозяйства, а породистых скакунов и рабочих лошадей сбывали по сходной цене. Отдаленность от населенных пунктов, отсутствие средств связи, слабая работа милиции и органов власти создавали благоприятные условия для совершения преступных деяний.

В калмыцких степях функционировали мелкие уголовные группировки: Муды Будаева, действовавшая в с. Цаган-Нур; Бовы Тегусова, Гаря Мучкаева; Скороходова из Донской области; группа Очирова, совершавшая налеты на Ремонтненский уезд и скрывавшаяся в балке Дунду-хурул, восточнее села Заветное; группа Нохана Шоро и Кости Бондаренко из Эркетеневского улуса. Бандформирование Кюки Манкирова в течение нескольких лет грабило и держало в страхе население Багацохуровского улуса, Дорджи Цекиров со своей командой совершал нападения на Баруновский аймак [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10с. Д. 5. Л. 172; Д. 14. Л. 177, 137, 139, 199; Д. 8. Л. 7; Д. 15. Л. 40]. Уголовные шайки не ставили перед собой политических целей: они решали проблемы собственного выживания. На территории КАО действовали не только местные бандформирования, но и бандитские отряды из соседних регионов, например Намина Барова из Наурской станицы Терской области.

Местная власть в Калмыкии уделяла большое внимание борьбе с бандитизмом. Президиумом ЦИК КАО «за время с III по IV общекалмыцкий съезды в 1922 г. с июня по декабрь проведено 11 заседаний по вопросам, связанным с бандитизмом; в 1923 г. с

января по сентябрь — 7 заседаний» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 389. Л. 50]. Она всеми силами старалась бороться с действовавшими на территории уголовными шайками. Так, председатель калмыцкого облисполкома А. Чапчаев информировал Северо-Кавказский военный округ о проблемах борьбы с бандитизмом и просил разрешения на формирование добровольных отрядов до окончательной ликвидации бандитизма [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10с. Д. 8. Л. 8]. Ответ пришел за подписью заместителя командующего СКВО С. М. Буденного: «Категорически воспреещаю формирование крестьянских отрядов на борьбу с бандами, ведя таковую отрядами милиции, ЧОН и другими официальными частями, имевшимися в вашем распоряжении. Все существующие до сего времени партизанские отряды немедленно расформировать» [Маслов 1970: 63].

В Калмыкии от бандитских нападений особенно страдали скотоводческие хозяйства. Постепенно крестьянин понимал, что «главное зло в уменьшении крупного рогатого скота заключается в бандитизме. Вначале гражданская война, затем местные банды, приходящие из Дона, Воронежа, Тамбова, а также из соседних регионов, окончательно разорили их хозяйства» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 389. Л. 50].

Власти активно проводили политические и репрессивные мероприятия среди крестьянства Юга России. Воинские подразделения проводили на Северном Кавказе и в Калмыкии, выражаясь современным языком, «зачистки» в горных и степных селениях, аулах и хотонах, в результате которых страдало гражданское население. Убийство советских работников и коммунистов жестоко каралось местными органами НКВД. Оперативная деятельность ЧОНов, частей Красной армии в борьбе с бандитизмом, конфискация бандитского имущества и ее распределение среди неимущих крестьян, такие решительные меры в северокавказских территориях, как взятие в заложники родственников, привели к уменьшению, правда, незначительному, действовавших бандформирований. Но большинство их членов вынуждены были сложить оружие из-за безвыходности своего положения. Местное население не оказывало разбойничьим группам поддержку, за исключением близких родственников.

Советские органы власти, одновременно с применением карательных мер, использовали методы убеждения, проводили разъяснительную работу среди населения, склоняя участников подпольных отрядов к возвращению в мирную жизнь. В мае 1921 г. правительство Горской республики обратилось с воззванием к восставшему населению. Тем, кто добровольно сложит или уже сложил оружие, руководство ГАССР гарантировало полную безопасность. Подобные акции проходили повсеместно во всех национальных автономиях, на территории которых орудовали бандитские отряды. Например, в Калмыцкой автономной области, кроме воззваний, издавались листовки, еженедельно в улусах проводились разъяснительные собрания среди населения. В степном регионе эффективным оказался такой шаг, как «неделя добровольной явки бандитов» [Бадмаева 2003: 162], приведший к оттоку повстанцев из бандформирований, число которых в Калмыцкой степи становилось незначительным. Однако к весне 1924 г., как явствует из закрытого письма секретаря Калмыцкого обкома РКП(б) Т. Борисова в секретариат ЦК РКП(б), вновь наблюдается образование пяти местных бандитских шаек: Киселева, Руденко, Черномазова, Озон Очаева и Саныр Ахмаева (количество — от 5 до 25 чел.), но «налетают русские бандиты из соседних губерний — Донской области и Ставропольской губернии. Зачастую уголовный бандитизм переходит в политический: убивают ответственных работников и спрашивают коммунистов» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 720. Л. 1].

На Северном Кавказе, в особенности в Чечне, в 1923–1924-х гг. вновь наблюдается рост массового недовольства населения политикой советской власти, возрастание повстанческого сопротивления. Об этом свидетельствует «Докладная записка по Чечне» начальника Восточного отдела ПП ГПУ Юго-Востока Ю. В. Миронова, направленная в мае 1923 г. на имя начальника Восточного отдела ГПУ Я. Х. Петерса. В ней Ю. В. Миронов дает подробный анализ политического состояния в Чечне, отмечает активный рост негативных тенденций: «Состояние Чечни на сегодняшний день можно назвать таким: анархия, неудержимый рост шариатских течений, подготовка к началу активных действий и отсутствие со-

ветских аппаратов на местах. Это видно из усиления роста бандитизма, роста религиозности, доходящей до состояния экстаза, что видно из выполнения ночного танца „зюкри“, наличие шариатских отрядов, судов и требование меджелиса, объединения, состоявшегося между шейхами Гоцинским, Али Митаевым, Ансалтинским и Белоходжи, образовавших своего рода „Высший Шариатский Совет“ на почве борьбы с Советской властью за религию означает подготовку к активным вооруженным выступлениям» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 538. Л. 3–4].

Усиливавшееся недовольство крестьянства незамедлительно использовалось политическими и религиозными деятелями. Большевики на местах стремились любой ценой сбить накал сопротивления с крестьянством и завоевать доверие чеченцев любой ценой. Так, например, Юго-Восточное бюро ЦК приняло беспрецедентное решение сотрудничать с авторитетным шейхом Али Митаевым, использовать его кипучую деятельность и огромный авторитет среди населения во благо укрепления чеченской автономии. Шейх Али Митаев на тот момент являлся ярким оппонентом советской власти и организовал многочисленный повстанческий отряд, состоявший из более 12 тыс. мюридов. Повстанцы выдвинули политический лозунг «За создание независимой шариатской республики». Отряд физически уничтожал институты действующей власти по всей Чечне и Ингушетии. Али Митаев привлекал в органы милиции и ГПУ своих людей, обучал их военному делу. Отделы вышеназванных правоохранительных органов становились фактически центрами сбора боевиков ислама, средоточием оружия и боеприпасов мюридов. А. Митаев умел приспосабливаться к быстро меняющейся политической ситуации, порой проявляя элементы политического конформизма. Так, из яркого оппонента советской власти буквально через год он превратился в официального советского чиновника, став членом чеченского ревкома. Политическая трансформация Али Митаева была обусловлена практической целесообразностью и главной целью — упрощением шариатских норм в чеченском социуме.

Но и советская власть умела подыгрывать своим оппонентам, использовать выгодные для себя тактические пути. Однако

в 1925 г. тактическое сотрудничество власти с этим известным на Северном Кавказе национальным и религиозным деятелем, одним из самых главных идеологов чеченского повстанческого движения, закончилось. Карательные отряды во главе с полномочным представителем ОГПУ на Северном Кавказе, одним из известных специалистов по ликвидации антисоветских и уголовных банд Е. Г. Евдокимовым, арестовали А. Митаева, и в последующем он был расстрелян.

Надо отметить, что с приходом на Северный Кавказ Е. Г. Евдокимова в июне 1923 г. тактика борьбы с повстанцами резко изменилась. Полпред ГПУ по Юго-Востоку России, не будучи тонким психологом, уповал только на силовое решение вопроса с повстанческим движением на Северном Кавказе. В этом и заключалась его тактическая ошибка. Он не учитывал национальных особенностей горцев, до конца не вник в патриархальный образ жизни горского народа с его писаными и неписаными законами, традициями кровной мести и абречества, не пытался найти взаимопонимание с мусульманским духовенством и старейшинами, пользовавшимися на Северном Кавказе огромным авторитетом и слово которых имело решающее влияние на горское население. С ними Е. Г. Евдокимов не считал нужным вести диалог в форме мирных переговоров, не пробовал определить наболевшие точки крестьянского сопротивления.

Военные и правоохранительные органы провели ряд операций по подавлению открытых выступлений крестьян региона. Особенно широкомасштабной была операция по разоружению местного населения войсками Северо-Кавказского военного округа (СКВО) и спецслужбами (ОГПУ) в августе 1925 г. в соответствии с постановлением ЦК РКП(б). В Ингушетии, Чечне, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии процесс так называемой «зачистки» проходил в особо жестких условиях и по заранее установленному плану действий. Вначале запланированный к разоружению аул плотным кольцом окружали войска и отряды ОГПУ, лишая жителей возможности выйти из окружения. Далее в аул заезжали представители Чеченского ЦИК, сотрудники ОГПУ, военного командования и оглашали на аульном

сходе распоряжение правительства о добровольной сдаче всего имеющегося у горцев оружия. Для сдачи оружия устанавливался срок, — как правило, не более двух часов. Сельские жители и находившиеся среди них повстанцы получали предупреждение о персональной ответственности за невыполнение выдвинутых требований. Если имевшееся на руках оружие вовремя не сдавалось, по истечении установленного срока открывался артиллерийский и пулеметный огонь, который продолжался в течение 10 мин. Далее, по отработанной схеме, вновь приезжала комиссия и оглашала очередной приказ, а если и после этого крестьяне отказывались сдавать оружие, то в селение входили воинские части и отряды ОГПУ, начинался «...поголовный обыск и изъятие бандитских элементов», и органы власти дополнительно проводили изъятие «порочного и бандитского элемента» [Аптекарь 1995: 44]. Ожесточенное сопротивление карательным отрядам оказало население аулов и селений Дай, Тагир-Хой, Акки, Боуги, Ошни, Химой, Нижелой, Рагехой, Урус-Мартан, Ножай-Юрт и др. Особенно упорно сопротивлялись жители аула Зумсой (родина одного из главных командиров повстанческого движения в Чечне Атаби Шамилева). Горцы для обороны своего села продали личный скот и приобрели оружие, но властям удалось сломить их сопротивление. Всего в ходе спецопераций против повстанцев воздушной бомбардировке подверглись 16 аулов, ружейно-пулеметному и артиллерийскому обстрелу — 101 из 242 аулов. Во время обстрелов погибло 6 и ранено 30 чел., убито 12 бандитов, разрушено 119 домов [Лашков 2001: 12].

В общей сложности в операции было задействовано 4 500 пехотинцев, более 2 000 кавалеристов, вооружение которых составляло около 250 станковых и ручных пулеметов, свыше десятка горных орудий, а также 10 единиц легкого орудия. Войска имели бронепоезд, 16 самолетов. Было обезврежено более 300 бандитов, у населения изъято около 25 тыс. винтовок, более 4 тыс. револьверов, один пулемет и свыше 80 тыс. патронов. Повстанческий отряд Н. Гоцинского, насчитывавший свыше 15 тыс. чел., потерпел сокрушительное поражение и был практически разгромлен. Сам Н. Гоцинский был арестован и приговорен к расстрелу [Лашков

2001: 13]. Чекистами было задержано 13 повстанческих командиров, в том числе Чапа Аджоколаев, Абдул Меджи Эстемиров, шейхи Эмин Ансалтинский и Бело Хаджи², бывший наиб Гоцинского Мажид Гебертоев [Сталин дал ... 1995: 148]. Атаби Шамилеву удалось скрыться. Его захватили лишь в сентябре 1925 г. бойцы «Первого Революционного боевого отряда Чеченской области» под командованием Джу Акаева.

Были ликвидированы еще 16 бандформирований, более мелких по численности, — банда Яковлева в районе станицы Змейской в Северной Осетии, банда Даурбокова и Евлоева в Ингушетии, небольшое по численности бандформирование Шипшева, орудовавшего в районе Агулуки в Ингушетии, ряд бандитских группировок в Акинском и Терском районах Ингушетии, политбанда Али Шабанова с руководителем Шейха Гаджи Кучримского, контрреволюционные группы в районе Зубутль Хасавюртовского округа, в Аварском и Лакском округах и другие [Очерки истории 1972: 114].

В связи с ликвидацией ряда повстанческих отрядов в регионах Северного Кавказа некоторые высокопоставленные сотрудники ОГПУ получили государственные награды. Среди них — полпред ГПУ по Юго-Востоку России Е. Г. Евдокимов. Однако военными операциями удалось лишь на время умиротворить недовольных советским режимом крестьян, ликвидировать или рассеять бандформирования на более мелкие отряды повстанцев. Полностью разоружить основную массу повстанцев не удалось. Заметим, что повторно провести спецоперации по изъятию оружия у местного населения удалось лишь в 1929–1930-х гг.

Карательные меры в отношении повстанцев и мирных граждан вызвали еще большее озлобление в крестьянской среде, широкий всплеск народных волнений и создали нездоровое политическое настроение среди большей части горского населения Чечни, Ингушетии, Кабарды и Балкарии. Участились массовые погромы советских учреждений в аулах и селениях; вооруженные нападения на руководителей и представителей органов власти; поджоги избирательных участков. Крестьяне открыто игнорировали выборы в советы, отказывались выплачивать налоги и пр.

² Так в источнике.

В целом в годы нэпа нездоровая обстановка в регионе продолжала сохраняться и сельское население негативно воспринимало все новые начинания властей, в особенности, хлебозаготовки, мясозаготовки, массовое раскулачивание, коллективизацию. Так, например, уполномоченные из вышестоящих органов власти, прибывшие в Чечню и Ингушетию, стали спешно проводить коллективизацию сельского хозяйства, насильно принуждать крестьян вступать в колхозы, не учитывая сложной религиозной, социальной ситуации в регионе, тейпово-клановой структуры чечено-ингушского общества.

Неэффективные действия советских органов при проведении этих мероприятий позволили сторонникам силового свержения советской власти в 1929 г. вновь поднять недовольных крестьян на вооруженные выступления в равнинных частях Чечни и Ингушетии. Обладая родовой сплоченностью и взрывной эмоциональностью, крестьяне в ответ на неправомерные действия властей реагировали решительно и жестко.

В Чечне эпицентром волнений стали села Гойты и Шали. Одним из руководителей восставших стал Шита Истамулов, в прошлом член правительства, министр. Повстанцы, уничтожив ряд ссыльных пунктов и арестовав местное начальство, создали временное правительство и выдвинули ряд политических и экономических требований. Властям предлагалось в качестве неотложных мер отменить продналог, полностью заменить нерадивых руководителей органов власти на старейшин чеченских тейпов. Протестное настроение крестьян приобрело особый драматизм и яростный накал, с чем вынуждены были согласиться советские власти: «Непрекращающиеся факты перегибов и искривлений продолжают отмечаться как в отстающих округах, так и в тех, которые близки к полному выполнению плана» [Трагедия 2000: 90]. Власти, на словах признавая свои ошибки, не пытались смягчить нездоровую обстановку среди крестьян и продолжали принудительную коллективизацию. Они зачастую не хотели учитывать и не учитывали местные специфические национальные нормы и традиции. Так, в селе Дарго власти решили завести ферму по выращиванию свиней. Непродуманное решение вызвало ярко выраженную агрессию

у крестьян-мусульман Чечни. В итоге местные жители убили всех свиней [Марченко 2003: 135].

В связи с продолжавшимся давлением на крестьянство автономии главы вооруженных формирований выдвинули новые требования: прекратить незаконную конфискацию крестьянских имуществ; остановить неправомерные аресты крестьян, женщин и детей; отозвать из всех районов Чечни начальников ГПУ, назначив на их место выборных гражданских чинов из самих чеченцев с правом преследования лишь уголовных элементов; восстановить институт шариатских судов; прекратить вмешательство центральных властей во внутренние дела Чеченской автономной области и «все хозяйственно-политические мероприятия <...> проводить только по решению съезда местных выборных представителей» [Авторханов 1991: 10].

Заявления такого характера говорили о притязаниях повстанцев на еще большую автономизацию территории. И все же власть вынуждена была пойти на некоторые уступки и определенные цессии в политическом плане. На государственном уровне колхозное движение в Чечне и Ингушетии было приостановлено, колхозы были отменены, и всем горским крестьянам было рекомендовано заняться организацией ТОЗов (товарищества по совместной обработке земли), поскольку такой тип хозяйствования был более приемлем для кавказских народов, поддерживающих тесные родовые отношения и тяготеющих к ним.

Власти официально выступили с воззванием к восставшим, и тем, кто добровольно сложит оружие, была обещана свобода, т. е. амнистия. Показательно был отстранен от своих должностей ряд чеченских партийных работников, отозваны советские войска и завезены в большом количестве промышленные товары по более низким ценам. Объявлена амнистия всем участникам сопротивления. Шита Истамулов, лидер повстанческого движения и в прошлом красный партизан, был амнистирован и назначен председателем Шалинского сельского потребительского общества (кооперации). Правда, в дальнейшем он был убит властями [Авторханов 1991: 29]

Незавидная участь Ш. Истамулова напоминает судьбу члена ревкома А. Митаева, который был вызван по личному письму Т. Эльдарханова, главы Чеченского ревкома, и арестован в административном здании органами ОГПУ [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 538. Л. 3]. В случае с Ш. Истамуловым применена была эта же отработанная схема. Осенью 1931 г. его вызвали к начальнику районного ОГПУ Бакланову для вручения ему официального документа об амнистии. Здесь же, в кабинете руководителя ОГПУ Бакланова, бывший предводитель повстанцев и бывший советский работник был расстрелян [Авторханов 1991: 30].

Крестьянские выступления в Чечне и Ингушетии дали новый толчок для активизации повстанческого движения с национально-религиозными призывами в других национальных автономиях Юга России. Повстанцы, в основном крестьяне, организованно выступили под флагом своих национальных героев — Шамиля, Мансура, Гамзат-бека и др.

Весной 1930 г. одним из новых явлений в повстанческом движении на Северном Кавказе стала попытка объединения антисоветских групп с привлечением не только крестьян Чечни, Ингушетии, Кабарды и Балкарии, но и недовольных сельских жителей Грузии, Дагестана, в качестве единомышленников рассматривались даже терские казаки. Органы ОГПУ, войсковые части (пехотные, кавалерийские, артиллерийские и авиационные) общей численностью свыше 2,5 тыс. чел. провели очередную зачистку по разоружению населения [Гутиева 2010: 8]. Властям удалось арестовать 122 бандитов и изъять 1 500 единиц стрелкового оружия [Александров 2009].

Очередным политическим конфликтом между крестьянами и властью на Северном Кавказе, в основе которого были разногласия по целям и методам насильственной коллективизации, стало крестьянское выступление в Ножай-Юртовском районе Чечни в марте 1932 г. Восставшие организованно нападали на сельские учреждения, сжигали хлеб, приготовленный для сдачи государству, громили кооперативы.

Для подавления восстания вновь привлекли крупные силы ОГПУ. Осенью 1932 г. вооруженное выступление в Ингушетии

быстро локализовали уже местными силами. Всех руководителей повстанческих движений арестовали, и они получили большие тюремные сроки, часть из них приговорена к высшей мере наказания — расстрелу, тысячи непокорных жителей горных и равнинных аулов были депортированы за пределы Северного Кавказа.

Одним из действенных и эффективных методов политического сопротивления крестьян была информационная война, направленная против аграрной политики советской власти. Такого рода информация распространялась как в письменной, так и в устной форме. Своеобразным и распространенным способом противодействия крестьян политике советской власти в 1930-е гг. являлись слухи и толки. Они отражали настроение и поведение населения и обычно передавались друг другу на сельских сходах, в беседах в торговых лавках и базарах, во время застолий и в других местах массового скопления людей. В основе большинства слухов — информация о факте, событии, явлении и пр., уже свершившемся или ожидаемом в будущем. Чаще всего это информация ложная, искаженная, вымышленная, для придания правдоподобности гиперболизированная, но всегда имевшая какой-то определенный умысел.

Слухи, связанные с коллективизацией на селе, — это особый феномен истории советской деревни. Они постоянно фигурируют в сводках ОГПУ/НКВД о положении в деревне, сводках информационных отделов местных партийных организаций, различных отчетах инструкторов ЦК и ЦИК, сводках писем, перехваченных почтовой и военной цензурой, и других документах, ныне хранящихся в архивах.

В случае с коллективизацией в крестьянском социуме бытовали самые разные слухи, в самом общем виде это были: «слух-желание» о скорой кончине колхозов, «слух-пугало» о страшных «ужасах», ждущих тех, кто вступит в колхозы, «слух-агрессия», вызывавший негативные настроения в обществе и направленный на стимулирование жесткого агрессивного действия. Например, в разных вариантах утверждалось, что требуемая новыми властями коллективизация сведется к одному: все сельчане, вместе с женами, будут спать по ночам в одном помещении, укрываясь «большим одеялом» [Шерковин 1981: 49].

С. Н. Бейтуганов в историческом очерке «Восстание крестьян в Кабардино-Балкарии в 1928–1931 годах» приводит наиболее распространенные слухи в виде «самых невероятных небылиц — „хабаров“», бытовавших среди крестьянства автономии в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства. Они, по мнению автора, были рассчитаны «на наиболее отсталую часть крестьянства, находили в этой среде (и не только!) благоприятную почву». Вот лишь несколько примеров таких «хабаров»: «Все крестьяне, согласно Советской власти, будут иметь на нижней рубашке значки вроде тавра, как у лошадей, и по этим значкам будут выдавать пайки, кто не будет иметь тавра, тот погибнет голодной смертью»; «...в связи с проведением коллективизации все мужчины будут спать под общим одеялом размером до 40 метров, что жены будут общие, и никто не будет иметь права возражать этому» [Бейтуганов 1991а: 3].

Определенная часть кабардино-балкарского крестьянства верила этим и другим слухам, они возбуждали у сельских жителей неприятие к советской власти.

Крестьяне Г. Я. Агерик и Г. Г. Арнольд из колхоза им. Розы Люксембург Западного улуса Калмыцкой автономной области распускали антисоветские слухи следующего содержания: «Крестьянину в России стало плохо жить, голод свирепствует кругом, крестьяне сейчас недовольны советской властью, и можно легко сделать восстание, крестьяне восстали бы все, в том числе и мы» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 27].

С антисоветской агитацией тесно увязываются слухи о неизбежном падении советской власти. Так, красный партизан Селигеев, разуверившись в советской власти, предсказывал скорое и неизбежное ее падение: «На Северном Кавказе ни зерна, ни хлеба, все голодают, ходят как тени, а молчат, боятся даже свободно дышать, тюрьмы переполнены, сажают виновных и невиновных. За Краснодаром выселяют чуть ли не все станицы, а больше сами бегут без выселения. За селом Приютное целое село построилось из беглых, народ страдает, живет в норах, как звери, а ведь есть среди них красные партизаны. Партизаны ждут, когда вспыхнет, в том числе, и я жду, еще раз повоевать, а потом можно умирать. Ведь

что делают твари, забирают хлеб у крестьян и сами не пользуются, и он гниет. Понасыпали кучи хлеба на вокзалах, и он весь погнил <...> Будет еще революция, и нужна она. Еще раз хочу повоевать, кого следует повешаем, а потом будем жить или умирать» [НА РК. Ф-131. Оп. 3с. Д. 28. Л. 41].

Посеянные в обществе невероятные слухи влияли на психическое состояние людей. Так, в 1928 г. в Кабарде распространился слух следующего содержания: «Советская власть и Предоблисполком Калмыков продали наших детей Китаю и закрывают все наши мечети» [Бейтуганов 1991а: 3].

Один из участников Баксанских событий Тавкешев, придя домой после допроса, для усиления «антисоветского» настроения сообщил односельчанам: «...их отпустили, так как в Нальчике все коммунисты разбежались. Россия восстала, и если сармаковцы (село Сармаково. — Е. Б.) не восстанут — их уничтожат» [Бейтуганов 1991а: 4].

Был распространен и такой слух, где желаемое представлялось возможным: «...по свержении советской власти будем вешать, и не будем снимать, пока не будут разлагаться» [Бейтуганов 1991б: 4].

В селении Малка в Кабарде, крестьяне — участники Баксанского восстания специально распускали слухи среди крестьян, не поддержавших антисоветское выступление: «Кабардинцы Баксанского округа поняли, что Советская власть не для них, т. к. эта власть отбивает у них последний кусок хлеба, притесняет религию, скоро закроет все мечети, арестует всех мулл» [Бейтуганов 1991в: 3].

Таким образом, слухи для крестьян были своего рода формой протеста, «стратегией сопротивления» существовавшему режиму, который «устранил все политические альтернативы, уничтожил свободу слова и сделал конспирацию настоящим способом правления» [Фицпатрик 2008: 6].

Интересной особенностью слухов времен коллективизации, как отмечает Н. Верт, является «беспрецедентно широкий ареал их распространения. Одни и те же слухи фиксируются по всей стране, этнические и религиозные различия фактически не влияют на их содержание. Настроения русских и украинских крестьян, гор-

цев Кавказа и немецких колонистов Поволжья оказываются удивительно близкими» [Верт 2010: 6].

Слухи и толки различного рода по поводу коллективизации влияли на политические настроения и поведение крестьян. Они способствовали расширению повстанческого движения на Юге России, росту вооруженных выступлений сельских жителей, которые стали частью повседневной жизни южнороссийского крестьянства. В целом с 1920 по 1941 гг. историки зафиксировали 12 крупных вооруженных восстаний на Северном Кавказе с участием десятков тысяч человек, а также более 50 менее значительных народных выступлений.

В Калмыцкой автономной области крупных массовых мятежей населения не наблюдалось. Возникали единичные вспышки недовольства властью со стороны калмыцких крестьян, иногда и с политическим оттенком, но в основном на территории Калмыкии преобладал уголовный бандитизм (грабежи и скотокрадство). В Калмыцкой автономной области борьба с бандитизмом продолжалась вплоть до 1925 г.

Жесткие меры, предпринятые государством по подавлению антисоветских выступлений и протестов, способствовали резкому снижению накала и числа крестьянских волнений. К тому же сказались тяжесть и усталость населения от противостояния с властью и понимание бесплодности борьбы с сформировавшимся тоталитарным государством. Поведение крестьян становилось все более спокойным и уравновешенным. Северокавказское крестьянское сообщество стало постепенно втягиваться в новое общественное мироустройство, вникать и воспринимать новые политические реалии страны, учиться жить согласно советским законам. К концу 1930-х гг., по официальным данным, в автономных республиках Юга России были окончательно вычищены «враги народа» и подавлены очаги протестного сопротивления.

Таким образом, на протяжении всего исследуемого периода у народов Юга России сохранялось неоднозначное отношение к советской власти. На южнороссийской территории, как мы вкратце проследили, постоянно возникали массовые и мелкие очаги крестьянских выступлений. Главным «двигателем» протестного

возмущения на Северном Кавказе, кроме недовольства социально-экономической политикой государства, являлось обостренное чувство справедливости, присущее горцам.

У степняка-калмыка, в силу его ментальности, восприятие действий ленинско-сталинского режима было более спокойным, и потому сильной агрессии по отношению к властям не наблюдалось.

Советское государство в конце 1930-х гг., выиграв затяжную войну с крестьянством, окончательно установило жесткий тоталитарный контроль в российской деревне — в экономической, политической и социальной сферах, а также в частной жизни крестьян.

Источники

Власть и крестьянство 2005 — Власть и крестьянство: Северокавказская деревня в 1917–1929 гг.: Сб. док. и мат-лов. Вып. 1 / сост Н. Д. Малиев, С. А. Хубулов, А. Т. Царикаев, М. П. Туаева. Владикавказ: Изд-во Сев.-Осет. гос. ун-та, 2005. 326 с.

За власть Советов 1957 — За власть Советов в Кабардино-Балкарии. Документы и материалы по истории борьбы за Советскую власть и образования Кабардино-Балкарской автономной области (1917–1922 гг.). Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1957. 538 с.

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Органы ... 2007 — Органы государственной безопасности и общество. Кабардино-Балкария (1920–1992): сб. док. и мат-лов / сост. и автор коммент. А. В. Казаков. Нальчик: Эль-фа, 2007. 375 с.

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.

Советская деревня 1998 — Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Документы и материалы: В 4-х т. Т. 1. 1918–1922 / под ред. А. Береловича и В. Данилова М.: РОССПЭН, 1998. 864 с.

Трагедия советской 2000 — Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2000. 927 с.

Sources

For the Soviet Rule: documents and materials on the history of the struggle for the Soviet rule and establishment of Kabardino-Balkar Autonomous

- Oblast (1917–1922). Nalchik: Kabard.-Balkar Book Publ., 1957. 538 p. (In Russ.)
- National Archive of the Republic of Kalmykia.
- Russian State Archive of Socio-Political History.
- State security agencies and society: Kabardino-Balkaria (1920–1992). Coll. documents and materials. A. V. Kazakov (comp., comment.). Nalchik: El'fa, 2007. 375 p. (In Russ.)
- The catastrophe of the Soviet village: collectivization and dekulakization. Documents and materials. In 5 vols. Vol. 2. November 1929 — December 1930. V. Danilov, R. Manning, L. Viola (eds.). Moscow: ROSSPEN, 2000. 927 p. (In Russ.)
- The Government and peasants: rural North Caucasus in 1917–1929. Coll. documents and materials. Is. 1. N. D. Maliev et al. (comps.) Vladikavkaz: North Ossetian State Univ., 2005. 326 p. (In Russ.)
- The Soviet village in the eyes of VChK–OGPU–NKVD. Documents and materials, in 4 vols. Vol. 1. 1918–1922. A. Berelovich, V. Danilov (eds.). Moscow: ROSSPEN, 1998. 864 p. (In Russ.)

Литература

- Авторханов 1991 — *Авторханов А.* Убийство чечено-ингушского народа: Народоубийство в СССР. М.: СП «Вся Москва», 1991. 79 с.
- Айшаев 2011 — *Айшаев О. О.* Крестьянские восстания на Северном Кавказе в период коллективизации сельского хозяйства // Политические репрессии в Кабардино-Балкарии в 1918–1930-х годах (статьи и документы). Вып. 5. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2011. С. 15–16.
- Александров 1999 — *Александров К. М.* Народ, режим и армия. Великий перелом 1930–1933 годов. 15 мая 2009 г. (впервые опубликовано в журнале «Посев» (1999. № 12) [электронный ресурс] // URL: http://www.yabloko.ru/mneniya_i_publicatsii/2009/05/15 (дата обращения: 25.08.2018 г.).
- Второе покорение 1995 — Второе покорение Кавказа. Большевики и чеченские повстанцы // Родина. 1995. № 6. С. 43–48.
- Бадмаева 2003 — *Бадмаева Е. Н.* О деятельности различных формирований по борьбе с советской властью и участия в них крестьянства в Калмыкии в 1921–1924 гг. // Вестник КИГИ РАН. Вып. 18. Элиста: АПП «Джангар», 2003. С. 156–164.
- Бадмаева 2012 — *Бадмаева Е. Н.* События 1932–1933 гг. в судьбах калмыцкого крестьянства // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 2. С. 105–108.

- Бейтуганов 1991а — *Бейтуганов С. Н.* Восстание крестьян в Кабардино-Балкарии в 1928–1931 годах. Исторический очерк // Советская молодежь. 1991. 2 августа. С. 3–4.
- Бейтуганов 1991б — *Бейтуганов С. Н.* Восстание крестьян в Кабардино-Балкарии в 1928–1931 годах. Исторический очерк // Советская молодежь. 1991. 9 августа. С. 3.
- Бейтуганов 1991в — *Бейтуганов С. Н.* Восстание крестьян в Кабардино-Балкарии в 1928–1931 годах. Исторический очерк // Советская молодежь. 1991. 16 августа. С. 3.
- Верт 2010 — *Верт Н.* Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М.: РОССПЭН, 2010. 447 с.
- Грациози 2001 — *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большиевики и крестьяне. 1917–1933 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 95 с.
- Гутиева 2010 — *Гутиева М. А.* Власть и общество на Северном Кавказе в условиях сплошной коллективизации на рубеже 1920–1930-х гг.: опыт и уроки истории // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 5. С. 2–10.
- Жупикова 2008 — *Жупикова Е. Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах. М.: Новый хронограф, 2008. 206 с.
- Казиев, Карпиев 2003 — *Казиев Ш. М., Карпиев И. В.* Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. М.: Молодая гвардия, 2003. 452 с.
- Кринко и др. 2011 — *Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г., Хлынина Т. П.* Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2011. 360 с.
- Козлов 1977 — *Козлов А. И.* На историческом повороте / отв. ред. К. А. Хмелевский. Ростов н/Д: РГУ, 1977. 214 с.
- Лашков 2001 — *Лашков А.* За Тереком для бандитов земли нет // Военно-исторический журнал. 2001. № 7. С. 12.
- Марченко 2003 — *Марченко Г. В.* Антисоветское движение в Чечне в 1920–1930-е годы // Вопросы истории. 2003. № 1. С. 131–138.
- Мартин 2011 — *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР. 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 855 с.
- Маслов 1970 — *Маслов А. Г.* Ленин и автономия калмыцкого народа // Ученые записки. Вып. № 9. Сер. историч. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. С. 49–69.
- Овчинникова 1972 — *Овчинникова М. И.* Советское крестьянство Северного Кавказа (1921–1929). Ростов н/Д: РГУ, 1972. 199 с.

- Очерки истории 1972 — Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. В 2-х т. Т. 2: 1917–1970 / гл. ред. М. С. Тотоев. Грозный: Чеч.–Инг. кн. изд-во, 1972. 359 с.
- Разгон 1941 — *Разгон И.* Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе. М.: Госполитиздат, 1941. 332 с.
- Сталин дал 1995 — Сталин дал личное согласие... Документы о событиях в Чечне // Источник. 1995. № 5. С. 141–151.
- Туаева, Хубулова 2007 — *Туаева М. П., Хубулова С. А.* Социальный протест сельского населения в первой половине 1920-х годов (на материалах Северного Кавказа) // Научная мысль Кавказа. 2007. № 2. С. 68–72.
- Тюмидова 2013 — *Тюмидова Т. Е.* Ментальность калмыцкого этноса как объект социально-философского исследования // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 1. 152–155.
- Узун-Хаджи 2017 — Узун-Хаджи Салтинский — политический и религиозный деятель Дагестана и Чечни (Документы и материалы). Махачкала: АЛЕФ, 2017. 254 с.
- Уиткрофт 1991 — *Уиткрофт С. Г.* Голод и эпидемии в России в 1918–1922 гг. Пример Саратова // Демографические процессы в СССР. 20–80-е гг. (Современная зарубежная историография). М.: ИНИОН, 1991. С. 65–70.
- Фицпатрик 2008 — *Фицпатрик С.* Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2008. 421 с.
- Холмс 1994 — *Холмс Л.* Социальная история России: 1917–1941. Ростов н/Д.: РГУ, 1994. 144 с.
- Хубулова 1981 — *Хубулова М. П.* Социальная напряженность в Терской области в первые годы советской власти // Северный Кавказ» в условиях глобализации. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Майкоп: АГУ, 2001. С. 456–460.
- Шерковин 1981 — *Шерковин Ю. А.* Слухи: их возникновение и разоблачение // Слово лектора. 1981. № 11. С. 48–52.
- Эльбуздукаева 2015 — *Эльбуздукаева Т. У.* Хроника «первого разоружения Чечни» (20-е гг. XX в.) // Вестник Владикавказского научного центра. 2015. Т. 15. № 1. С. 15–20.

References

- Aleksandrov K. M. The people, regime and army: the Great Break of 1930–1933. 15 May 2009. (reprint: *Posev* (journal). 1999. No. 12. An

- Internet resource: see hyperlink above: (accessed: 25 August 2018). (In Russ.)
- Avtorkhanov A. Killing the Chechen-Ingush people: assassinations of nations in the USSR. Moscow: Vsyā Moskva, 1991. 79 p. (In Russ.)
- Ayshaeв O. O. Peasants' revolts in the North Caucasus during the agricultural collectivization. *Politicheskie repressii v Kabardino-Balkarii v 1918–1930-kh godakh*. Articles and documents. Is. 5. Nalchik: Pechatnyy Dvor, 2011. Pp. 15–16. (In Russ.)
- Badmaeva E. N. Kalmykia in 1921–1924: activities of different anti-Soviet groups and the impact of peasants revisited. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. Is. 18. Elista: Dzhangar, 2003. Pp. 156–164. (In Russ.)
- Badmaeva E. N. The events of 1932–1933 and their influence on Kalmyk peasants. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2012. No. 2. Pp. 105–108. (In Russ.)
- Beytuganov S. N. The 1928–1931 peasants' revolt in Kabardino-Balkaria: a historical essay. *Sovetskaya molodezh'*. 1991. 2 August. Pp. 3–4. (In Russ.)
- Beytuganov S. N. The 1928–1931 peasants' revolt in Kabardino-Balkaria: a historical essay. *Sovetskaya molodezh'*. 1991. 9 August. P. 3. (In Russ.)
- Beytuganov S. N. The 1928–1931 peasants' revolt in Kabardino-Balkaria: a historical essay. *Sovetskaya molodezh'*. 1991. 16 August. P. 3. (In Russ.)
- Elbuzdukaeva T. U. A chronicle of the 'first disarmament of Chechnya: 1920s. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra*. 2015. Vol. 15. No. 1. Pp. 15–20. (In Russ.)
- Fitzpatrik Sh. Stalin's peasants: resistance and survival in the Russian village after collectivization. Moscow: ROSSPEN, 2008. 421 p. (In Russ.)
- Gratsiozi A. The Great Peasants' War in the USSR: Bolsheviks and peasants (1917–1933). Moscow: ROSSPEN, 2001. 95 p. (In Russ.)
- Gutieva M. A. The Government and society in the North Caucasus during the total collectivization of 1920–1930s: experiences and historical lessons. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2010. No. 5. Pp. 2–10. (In Russ.)
- Holmes L. The social history of Russia, 1917–1941. Rostov-on-Don: Rostov State Univ., 1994. 144 p. (In Russ.)
- Kaziev Sh. M., Karpiev I. V. Highlanders of the North Caucasus: everyday life in the 19th century. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2003. 452 p. (In Russ.)
- Khbulova M. P. Social tension in Terek Oblast during the early years of Soviet rule. *Severnyy Kavkaz» v usloviyakh globalizatsii*. Conf. proc. Maykop: Adyghe State Univ., 2001. Pp. 456–460. (In Russ.)

- Krinko E. F., Tazhidinova I. G., Khlynina T. P. The Soviet man's routine world in 1920–1940s: life during social transformations. Rostov-on-Don: South. Sc. Center of RAS, 2011. 360 p. (In Russ.)
- Kozlov A. I. At the turn of the history. K. A. Khmelevsky (ed.). Rostov-on-Don: Rostov State Univ., 1977. 214 p. (In Russ.)
- Lashkov A. No land for bandits behind the Terek. *Voenno-istoricheskiy zhurnal*. 2001. No. 7. P. 12. (In Russ.)
- Marchenko G. V. The anti-Soviet movement in Chechnya: 1920–1930s. *Vo-prosy istorii*. 2003. No. 1. Pp. 131–138. (In Russ.)
- Martin T. The Empire of 'Positive Actions': nations and nationalism in the USSR, 1923–1939. Moscow: ROSSPEN, 2011. 855 p. (In Russ.)
- Maslov A. G. Lenin and the Kalmyk people's autonomy. *Uchenye zapiski*. Is. 9. Ser. 'History'. Elista: Kalm. Book Publ., 1970. Pp. 49–69. (In Russ.)
- Ovchinnikova M. I. Soviet peasants of the North Caucasus (1921–1929). Rostov-on-Don: Rostov State Univ., 1972. 199 p. (In Russ.)
- The Chechen-Ingush ASSR: historical essays. In 2 vols. Vol. 2: 1917–1970. M. S. Totoev (ed.). Grozny: Chech.-Ing. Book Publ., 1972. 359 p. (In Russ.)
- Razgon I. Ordzhonikidze and Kirov: struggling for the Soviet rule in the North Caucasus. Moscow: Gospolitizdat, 1941. 332 p. (In Russ.)
- Sherkovin Yu. A. Rumors: their emergence and detection. *Slovo lektora*. 1981. No. 11. Pp. 48–52. (In Russ.)
- Stalin gave his personal consent... Documents about events in Chechnya. *Istochnik*. 1995. No. 5. Pp. 141–151. (In Russ.)
- The Second Conquest of the Caucasus. Bolsheviks and Chechen rebels. *Rodina*. 1995. No. 6. Pp. 43–48. (In Russ.)
- Tuaeva M. P., Khubulova S. A. Social protest of rural population in the early-to-mid 1920s (a case study of materials from the North Caucasus). *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 2007. No. 2. Pp. 68–72. (In Russ.)
- Tyumidova T. E. Mentality of the Kalmyk people as a subject of socio-philosophical research. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2013. No. 1. Pp. 152–155. (In Russ.)
- Uzun Hajji Saltinsky: a political and religious figure of Dagestan and Chechnya. Makhachkala: ALEF, 2017. 254 p. (In Russ.)
- Vert N. Terror and chaos: Stalinism as a system. Moscow: ROSSPEN, 2010. 447 p. (In Russ.)
- Wheatcroft S. G. Famine and epidemic crises in Russia, 1918–1922: the case of Saratov. *Demograficheskie protsessy v SSSR. 20–80-e gg.* (Ser 'Con-

temporary Foreign Historiography'). Moscow: Inst. of Scientif. Inform. on Soc. Sc. of RAS, 1991. Pp. 65–70. (In Russ.)

Zhupikova E. F. The rebel movement in the North Caucasus: 1920–1925. Moscow: Novyy Khronograf, 2008. 206 p. (In Russ.)